

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ССОР и РСФОР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **Э. БАГРИЦКОГО** | **А. ВОЛОТНИКОВА**
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 88 (404)

14 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

1890 г. (перед отъездом на Сахалин)

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ

Советская литературная общественность отмечает тридцатилетнюю годовщину со дня смерти Антона Павловича Чехова в условиях, когда Страна советов, вступившая во вторую пятилетку — пятилетку окончательной ликвидации классов и пережитков капитализма в экономике и сознании людей, — готовит свой первый всесоюзный съезд писателей.

Восьмидесятые, девяностые, девятисотые годы, годы подготовки первой русской революции обнажили классовые противоречия и отчетливо очертили место, роль и характер участия каждого из классов русского общества того периода. Передовые слои интеллигенции ненавидели полуазиатский российский абсолютизм. Но они не могли так же, как ни один класс, кроме пролетариата, быть последовательными в грядущей революции. «Образованные люди, вообще «интеллигенция», — писал Ленин в статье «Задачи русских социал-демократов» — не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пост за казенное жалованье или за участие в прибылях и дивидендах».

Чехов-писатель бесспорно находился в оппозиции к абсолютизму, к полуазиатскому производству, дикости, насилию бездушных царских чиновников, бюрократически-формалистскому тупоумию, приспособляющемуся интеллигенту. Чехов понимал, что «все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только по форме» («По делам службы»). Нанюленные лиризмом, овеянные печалью картины жизни русского мещанства, ужас безвременья, обывательщина, превращение бунтующего интеллигента в смиренного царского чиновника, «утешающегося тем, что он приносит «пользу» — как говорил Ленин — в пределах канцелярской рутины, чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и палки — все это вызывало в Чехове протест бессилия против явлений, существующих по заранее установленной бюрократическим строем форме произвола и насилия. Он понимал, что мириться с этим нельзя. Он протестовал против примирения интеллигенции с пошлой обывательской средой, он взывал к ее душе, к ее совести. «Не смей открыто заявлять, что ты на стороне честных, свободных людей и самому ягать и улыбаться, и все это из-за куса хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена — нет, больше жить так невозможно!» («Человек в футляре»).

Мириться с ужасами царской России, с издевательствами, эксплуатацией, циническим грабежом, с горем мужицким, с самоубийствами, пошлостью обывательской среды, «а для себя желать светлой, шумной жизни среди счастливых довольных людей и постоянно мечтать о такой жизни — это значит мечтать о новых самоубийствах людей, задавленных трудом и заботой, или людей слабых, заброшенных, о которых только говорят иногда за ужином, с досадой или усмешкой, но к которым не идут на помощь» («По делам службы»). Но какими путями идти на помощь — Чехов не знал и этих путей указать не мог. В этот период бурно развивался российский капитализм, а вместе с ним набирался сил пролетариат, нарождалась российская социал-демократия. Чехов видел противоречия между трудом и капиталом, между капиталистом и рабочими, но Чехов был далек от марксизма. В представлении писателя эти «отношения между сильными и слабыми» создала «неведомая сила — дьявол», они, эти отношения, представлялись Чехову «трубой ошибкой, которую теперь ничем не исправишь». Исправить эту «ошибку» общественных отношений страшно хотелось А. П. Чехову. Не видя возможности исправить ее, он мечтал «о радостной и светлой жизни», о том, что через двести — триста лет «вся земля обратится в цветущий сад и жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна».

Чехов ошибся в сроках. Мы вступили в период практического преобразования нашей земли в «цветущий

сад» и установления радостных и «прозрачных» отношений между людьми, о неизбежности наступления которых говорил Маркс.

Антон Павлович Чехов — непревзойденный мастер реалистической новеллы, в которой необычайно яркими и художественно убедительными деталями импрессионистской манеры приоткрывался уголок российской действительности — пошлой, унылой, тоскливой, ужасной по своей невероятной дикости и невежественности: Антон Павлович Чехов создал ряд широких типологических обобщений: «Человек в футляре» — учитель Беликов, унтер Пришибеев, Оленька Племянникова (рассказ «Душечка») и мн. другие. Наши писатели, разрабатывающие в своем творчестве тему интеллигенции (Ю. Олеша, В. Катаев, Л. Леонов, М. Шагинян, Е. Габрилович, В. Луговской и др.), живущие и работающие в другой социальной обстановке, показывают, что интеллигенция нашла исторически неизбежные пути вместе с революцией пролетариата. В массе своей они простились с интеллигентской самоограниченностью, рефлектирующей мягкотелостью — быть или не быть, их герои уже не мечтают, как герои Чехова, что через двести лет на земле будет хорошо и земля превратится в цветущий рай, а они практически участвуют своими произведениями, приобретшими социалистический смысл в том всемирно-историческом значении, которое творится пролетариатом.

Широчайшие типологические обобщения, данные в произведениях Чехова, указывают, до каких высот должна подняться наша литература. Значимость художественного образа всегда повышается, если емкость его увеличивается, если грани его могут освещивать множественностью смысла, если художественный образ воплощает многовековой опыт человеческой практики и борьбы человека за преобразование общества. Поэтому не случайно В. И. Ленин неоднократно в своих речах и статьях пользовался чеховским образом человека в футляре, не случайно в полемике со Старовером Ленин назвал его «социал-демократической «душечкой» и спрашивал его, в чьих объятиях он будет находиться завтра. Не случайно т. Сталин в заключительном слове на XVI партсъезде, раскрывая существование правых оппозиции, воспользовался образом учителя Беликова — человека в футляре, боявшегося всю жизнь «как бы чего не вышло».

Эти примеры ярко свидетельствуют о том, что нашей литературе недостает сейчас именно широких типологических обобщений, подобных тем, какими было насыщено классическое искусство. Нашей литературе необходимо поднять общий уровень культуры, вывести ее из состояния провинциализма. В чеховские дни и в дни перед всесоюзным съездом писателей нам нужно это помнить. Мастерство Чехова — новеллиста, прекрасного реалиста с простым, точным и лирически окрашенным языком, мастерство Чехова, дающего широчайшие обобщения, — вот что нужно нам взять. Его юмор, его смех мы должны повернуть против всех сил старого общества, против мещанства, обывательщины, пошлости, приспособленчества, беспринципности.